

Поразмыслив с минуту, Тан Шэнь открыл глаза и вывел на черновике первую фразу: «Когда для человека наступает пора процветания, небеса откликаются благоприятными знамениями. Взаимосвязь между Небом и человеком безупречна. Но утверждать, будто небесная благодать ниспосылается сама по себе, а не в ответ на дела людские, — этому я не верю!»

Написав эту строку, Тан Шэнь внимательно вчитался в неё. На этот раз он выбрал чрезвычайно дерзкий подход к зачину. Одна ошибка — и весь текст пойдёт крахом. Однако именно это он и хотел сказать: «Я не верю!»

Задав тему, Тан Шэнь почувствовал, как мысль устремилась вслед за кистью. Текст словно слагался сам собой: вводные стопы, основные, заключительные — статья сложилась на одном дыхании. Закончив, он ещё раз тщательно проверил написанное, убедился в отсутствии ошибочных иероглифов и лишь затем принялся аккуратно переносить текст на чистовой экзаменационный лист. В черновике допускались любые пометки, но чистовик должен был оставаться безупречно чистым. Если в будущем за подчистки и исправления лишь сбавили бы баллы за оформление, то в нынешнюю эпоху из-за малейшей кляксы даже самое блестящее сочинение мгновенно превращалось в мусор.

Переписав всё каллиграфическим почерком Гуаньгэти, Тан Шэнь покрылся испариной.

Он перешёл ко второму заданию. Оно не представляло особой сложности. Тема звучала как «Правитель взял жену в княжестве У» и происходила из книги «Лунь юй», раздела «Шу эр». В оригинале говорилось: «Я слышал, что благородный муж не проявляет предвзятости. Но неужели он способен на это? Правитель Лу взял жену в княжестве У, но поскольку она носила ту же родовую фамилию, её стали звать У Мэн-цзы. Если уж правитель знает обряды, то кто их не знает?»

В этой цитате приводился разговор, где Чэнь Сыбай критиковал Конфуция. Чэнь Сыбай спросил Конфуция, соблюдает ли правитель Чжао-гун ритуал, и Конфуций ответил утвердительно. Однако стоило Конфуцию уйти, Чэнь Сыбай сказал Ума Ци: «Я слышал, будто благородный муж предвзятым не бывает. Неужели он тоже покрывает своих? Луский правитель взял жену из княжества У, которая носит ту же родовую фамилию Ци, и назвал её У Мэн-цзы. И после этого он знает ритуалы?»

В этом вопросе Тан Шэнь решил больше не рисковать. Из осторожности он выбрал сдержанный зачин: «Правитель Лу взял в жёны женщину с той же фамилией и скрыл это, что свидетельствует о крайнем неведении ритуала», после чего быстро и ладно составил классическое сочинение.

Когда он завершил вторую восьмичленную статью, наступил полдень. Некоторые испытатели вытащили из сумок сухой паёк и принялись за еду.

Тан Шэнь аккуратно переносил работу с черновика на экзаменационный бланк. Он стремился сделать как можно больше, пока организм ещё был полон сил, а обстановка в экзаменационном зале оставалась терпимой. Стоит кому-то устроить неприятность — и будет поздно.

Закончив переписывать, Тан Шэнь достал из корзины сухую лепёшку и принялся за обед. Но не успел он съехать и половины, как в воздухе разнеслась ужасающая вонь.

Тан Шэнь: «...»

Кому это вздумалось так испортить воздух?! Вонь стояла до небес!

Аппетит мгновенно пропал. Тан Шэнь перевёл взгляд на последнее задание — стихотворение по заданной теме.

При прежней династии на экзаменах от кандидатов требовалось лишь сложить стихотворение из шести двустиший по пять иероглифов в строке. Но при нынешнем государе, установившем новые правила поверх прежних, от испытателей требовалось вплетать в стихотворение элементы восьмичленного сочинения. Иными словами, поэтическую форму можно было использовать просто как оболочку, но высшую оценку мог получить лишь тот, кто приводил в стихах аргументацию восьмичленной статьи.

Как за сочинение, так и за стихотворение выставлялись оценки четырёх уровней: высший, второй, третий и низший. Чтобы получить высшую оценку за стихотворение, требовалось обязательно составить его по канонам восьмичленной статьи — иначе даже явись на свет сам бессмертный поэт, он получил бы в лучшем случае лишь второй уровень.

Цзя Ляншэн предложил тему для стихотворения: «Громкое ржание скакуна».

Скакун — то есть тысячеликий конь.

В памяти Тан Шэня тут же всплыли строки из древнего сочинения «Ма шуо»! В этом мире знаменитого эссе Хань Юя «Ма шуо» не существовало.

«Лишь когда появится Бо Лэ, появится и тысячеликий конь. Тысячеликие кони встречаются часто, но Бо Лэ встречается редко. Неужели же скакунов нет? На самом деле люди просто не умеют их распознавать!»

В голове Тан Шэня моментально сложился набросок. Наклонившись над бумагой, он вывел: «Скакун радуется о друге близком, ржание его разносится немолкающим гулом...»

Завершив стих, он проверил выбор слов и чередование тонов, исправил несколько иероглифов и аккуратно переписал стихотворение на чистовик.

Когда с работой было покончено, Тан Шэнь поднял голову и увидел, что солнце уже клонится к западу. Время, разрешённое для досрочной сдачи, уже миновало. Шестеро кандидатов давно сдали свои бланки и сидели на местах в ожидании. Чтобы открыть ворота и выпустить людей, требовалось набрать группу из десяти человек. Первая десятка сдавших пользуется наибольшим почётом: их называют «первой десяткой», и их уход сопровождается салютом из пушек и звуками барабанов.

Тан Шэнь перечитал свою работу, убедился в отсутствии ошибок и передал свиток Цзя Ляншэну.

Цзя Ляншэн бросил на Тан Шэня короткий взгляд, взял экзаменационный лист и положил его на стол. Затем он бегло глянул на написанное. Первым делом его взор упал на экзаменационное стихотворение «На тему: Громкое ржание скакуна». Глаза Цзя Ляншэна просияли, и он одобрительно закивал. Затем он перешёл ко второму заданию — «Правитель взял жену в княжестве У», но здесь выражение его лица почти не изменилось.

Однако когда он добрался до первого задания — «Когда государству суждено процветать, обязательно являются благоприятные знамения», Цзя Ляншэн внезапно замер в полном изумлении. В следующее мгновение, словно поражённый громом, он забросил беглый просмотр и во все глаза, с глубоким почтением взял свиток обеими руками, уставившись в текст сочинения.

Эта сцена не укрылась от глаз тех кандидатов, что уже сдали свои работы. Все они вздрогнули, понимая: раз уездный начальник реагирует подобным образом, то эта работа — либо неземной шедевр, либо несусветная дрянь. И лишь сам Тан Шэнь из всей семёрки сдавших ничего не заметил, потому что...

Он был на грани того, чтобы потерять сознание от вони!

Тан Шэнь буквально распластался по столу, уткнувшись носом в рукав. Перед глазами у негоплыли тёмные круги, голова кружилась.

Обычный испорченный воздух не мог пахнуть так чудовищно — всё дело было в том, что соседи слева и справа одновременно решили воспользоваться своими переносными горшками!

И хотя горшки были прикрыты крышками, из-за тесноты экзаменационных кабинок зловоние неизбежно расползлось вокруг.

У Тан Шэня от этой вони всё плыло перед глазами. Его обычно приятное и светлое лицо сейчас стало мрачнее тучи. Он лишь страстно молил Небеса, чтобы ещё трое сдали свои работы, дабы они наконец смогли покинуть этот ад!

Спустя ещё четверть часа, не выдержав стоящей вокруг вони, свитки сдали ещё трое кандидатов. Уездный чиновник выкликнул имена десятерых, собираясь вывести их из зала. Когда прозвучало: «Тан Шэнь из управы Гусу», Цзя Ляншэн неожиданно поднял голову и спросил:

— Кто из вас Тан Шэнь?

Тан Шэнь, зажав нос рукавом, едва не стонал от мук. Вдруг услышав своё имя, он вздрогнул и понял, что к нему обращается сам Цзя Ляншэн. Опустив рукав, он чинно поклонился:

— Ученик Тан Шэнь из управы Гусу приветствует почтенного господина.

Цзя Ляншэн посмотрел на Тан Шэня, никак не ожидая увидеть столь юного юношу. Слегка замешкавшись, Цзя Ляншэн произнёс:

— Что ж, ступай.

Тан Шэнь ничего не понял, но растерянно поплёлся следом за остальными.

Едва он ступил за ворота экзаменационного двора, как к нему поспешили Тан Хуан и Яо Сань. Увидев родных, Тан Шэнь окончательно лишился сил и рухнул прямо на руки Яо Саню. От его воротника и одежды всё ещё исходил вьёвшийся стойкий запах. За весь день Тан Шэнь съел лишь поллепёшки и не сделал ни глотка воды, отдав все силы написанию двух восьмичленных статей и одного стихотворения.

Раньше часто говорили, что сдавать Государственные экзамены для древних — всё равно что пройти через врата преисподней. Теперь Тан Шэнь прочувствовал это на собственной шкуре.

— Молодой хозяин, вы в порядке? — взволнованно спросил Яо Сань.

Тан Шэнь, качаясь из стороны в сторону, еле пробормотал:

— На... нормально... Яо Сань, я немного посплю, а когда объявят результаты уездного экзамена, дай мне знать, вошёл ли я в первую десятку...

Яо Сань удивлённо возразил:

— Молодой хозяин, о чём вы? Это ведь только первый день уездного экзамена! Вам предстоит сдавать ещё четыре дня!

Тан Шэнь, словно тяжелобольной перед смертью, в ужасе подскочил:

— Ещё четыре?!

После чего закатил глаза, вытянул ноги и на этот раз действительно лишился чувств.

Яо Сань не ошибался. В управе Гусу даже люди, далёкие от грамоты, знали, что Государственные экзамены никогда не ограничиваются одним днём. Обычно испытания длятся пять дней подряд, а списки вывешивают лишь через неделю. Первый день — самый важный, он практически определяет будущий ранг и результат. Но если пропустить последующие четыре дня, то результаты первого дня полностью аннулируются.

Впрочем, если в первый день всё написано блестяще, а в последующие четыре не совершено грубых ошибок, итоговое место остаётся практически неизменным.

Первый этап уездного экзамена в управе Гусу завершился. Яо Сань принёс Тан Шэня на спине в ближайшую аптеку, где растревоженная Тан Хуан срочно позвала лекаря. Пока Тан Шэнь лежал без чувств, Цзя Ляншэн и его помощник уже вернулись со свитками в управу. Там их давно ждали главные инспекторы и чиновники по делам просвещения управы Гусу и уезда Усянь, готовые к проверке работ.

Три этапа, из которых состоял начальный экзамен, считались испытаниями малого уровня, поэтому имена авторов на бланках не запечатывались. Едва войдя в комнату, Цзя Ляншэн бережно положил один из свитков на стол и произнёс:

— Почтенные коллеги, этот свиток достоин стать лучшим на данном уездном экзамене. Есть ли у кого-то возражения?

Его слова вызвали бурный отклик. Чиновники по делам просвещения тут же обступили стол, сгорая от желания взглянуть на работу.

«Когда для человека наступает пора процветания, небеса откликаются благоприятными знамениями. Взаимосвязь между Небом и человеком безупречна. Но утверждать, будто небесная благодать ниспосылается сама по себе, а не в ответ на дела людские, — этому я не верю...»

«В прошлом в трактате «Чжун юн» рассуждалось о том, что высшая искренность дарует прозрение, здесь же говорится, что предвестием процветания государства обязательно служат благоприятные знамения...»

Прочитав первое сочинение, чиновники по делам просвещения замерли в шоке, долго не в силах вымолвить ни слова.

— «Этому я не верю»?!